

Три балета Джона Ноймайера

с. 8

Гамбургский балет Джона Ноймайера в Москве. Три спектакля уникального хореографа: «Пер Гюнт», «Тристан», «Пятая симфония Густава Малера».

Отголоски премьеры «Пер Гюнта» на музыку Альфреда Шнитке, покорившей год назад Гамбург, доносились до Москвы. И мы с терпеливой надеждой ждали, когда же придет день нашей встречи с балетом, обретшим свою жизнь вдалеке от Отечества. И он пришел. В Большом (правда, в качестве гастролера) — «Пер Гюнт».

Пуста, темна сцена. В безмолвии тишины движутся вокруг Азы, матери Пера (Анна Грабка) семь танцовщиков, движутся, словно совершая великое таинство. Таинство появления человека на свет. Семь танцовщиков — семь противоречивых свойств человеческой природы: добро и зло, мечтательность и заземленность, уверенность и сомнение, любовь. Они соединяются в единый слав. И на протяжении всей жизни будут мучать Пера: то возносить его на вершины человеческого духа, то опрокидывать в бездны порока и безысходности.

Родился Пер. И сцена наполнилась светом. Залопнула пространство музыка. Поначалу нежная, ласкающая, славящая приход Пера в мир, потом, потом в ней зазвучит все, что ждет его на тернистом пути жизни.

Гамбургский филармонический государственный оркестр под управлением Эри Класа улавливает все нюансы сложной, психологической партитуры.

Музыка Альфреда Шнитке драматична, кажется даже, что она и есть истинное либретто балета. Поразительно взаимопонимание двух художников — Альфреда Шнитке и Джона Ноймайера. Образы, рожденные гением Шнитке в музыке, являются нам переплавленные буйной, бесконечно изобретательной, феерической фантазией Джона Ноймайера. Он убеждает: единственно достойный человека язык — язык пластики. Слово произнесенное есть ложь. Но не могут лгать руки, губы, человеческое тело. В них воплощаются истинные порывы души, нетерпение сердца, трепет надежды.

Долго, бесконечно долго длится встреча Пера (превосходный танцовщик Иван Лишка), прошедшего все круги жизненного ада, со своей любимой Сольвейг (Жиж Хайет). Бесконечно, как истинная любовь, которая кончается лишь со смертью. Но здесь нет места смерти. Джон Ноймайер выводит эту долгожданную встречу далеко за пределы земного бы-

тия. Любовь вечна. Постепенно, одна за другой появляются на сцене пары, еще, еще, еще. Вечна любовь. Даже если рухнет мир, она прорастет из черного пространства космоса, из нее родятся новые миры. Ибо любовь — единственный и сокровенный смысл бытия.

«Тристан» на музыку Ганса Вернера Хенце (дирижер Марк Албрехт, соло на фортепьяно Хомера Франческ) — иная грань творчества Джона Ноймайера, может быть, более для нас традиционная. Музыка Хенце сложна для перевода на сценический язык, она малоэмоциональна, хотя где-то в самой глубине скрывается грусть и тоска по человеческому теплу. И хореография Ноймайера становится более жесткой, графичной.

О своей постановке Пятой симфонии Малера (дирижер Герд Албрехт) Джон Ноймайер сказал: «...Никакой истории я не хочу рассказывать, я хочу только на своем языке, в балете развить то, что я в этой музыке чувствую». Так что же это, хореографические фантазии на темы Пятой симфонии? Джон Ноймайер создал удивительное сценическое воплощение музыки Малера, заставил нас задуматься о том, как многослойна и неповторима жизнь, что счастье и горе в ней рядом, что на смену черным дням обязательно должны прийти иные, ослепленные радостью и покоем. Во всяком случае в это надо верить.

М. НЕВЗОРОВА.

На снимке: Джон Ноймайер. Репетиция.